

УДК 82

МИФОПОЭТИКА
РАННИХ РАССКАЗОВ Т. Н. ТОЛСТОЙ

Мачавариани Нана Валериановна,

аспирант Пятигорского государственного университета

(г. Пятигорск, РФ);

e-mail: nanamachav@yahoo.com

Мифопоэтика – одно из самых разрабатываемых направлений современного литературоведения. Поскольку мифологическое сознание глубоко заложено в природе человека, оно способно репродуцироваться в разных социально-культурных условиях и исторических эпохах, что подтверждается творчеством Т. Толстой, превалирующей характеристикой авторской поэтики которой можно считать мифологизм. Автор широко использует в своих рассказах принципы пространственных и временных описаний, когда современность представлена с позиции мифологического сознания, а также мифологические приемы, аллюзии на популярные персонажи и образы фольклора и классической литературы.

Ключевые слова: *реализм, постмодернизм, мифопоэтика, голос автора, картина мира.*

Творчество Татьяны Толстой находится в одном ряду с выразителями тенденции русской литературы, совмещающей определенные черты реализма, модернизма и постмодернизма. Об этом

свидетельствует то, что многие ее образы и персонажи взяты из фольклора: в рассказе «На золотом крыльце сидели...» дядя Паша в глазах ребенка, от имени которого ведется повествование, – и царь Соломон, и заколдованный принц, распахивающий вход в пещеру Алладина; в «Свидании с птицей» к умирающему дедушке прилетает птица смерти Сирин, а птица Алконост несет волшебные яйца. В рассказе «Река Оккервиль» Петербург – город огромного, пучеглазого царя-плотника, догоняющего в ночных кошмарах с корабельным топориком своих перепуганных подданных.

Создавая собственную мифопоэтическую картину мира, Т. Толстая изображает героев подавленными обществом, не умеющими устроить и определить правильным разумным образом личную жизнь. Это и Симеонов из рассказа «Река Оккервиль», и Алексей Петрович из «Ночи», Наташа из «Вышел месяц из тумана».

Для первого своего сборника рассказов, вышедшего в 1987 году, Т. Толстая выбрала в качестве эпиграфа и заголовка строку из детской считалки – «На золотом крыльце сидели...», что подтверждает приверженность писательницы к русскому фольклору. Как известно, одним из видов устного народного творчества являются считалки, возникновение которых связано с древним практическим обычаем распределения и закрепления функций между участниками трудового процесса или игры.

Знаменательно, что все рассказы данного сборника включают в себя поэтизацию смерти, метафоризацию ухода в иной мир, представленного Т. Толстой достаточно разновариантно: как естественный финал истощения биологических ресурсов человека, как спровоцированная болезнью преждевременная кончина, как насильственная – в виде убийства или гибели в форме суицида. Особое место занимают случаи, в которых мотив смерти реализован метафорически, в виде духовной деградации. Создается впечатление, что в каждом последующем рассказе сборника персонажи, словно по считалке, играют на выбывание из игры под названием «жизнь». Это мы наблюдаем и в «Петерсе», и в «Лимпопо», и в «Факире», и в «Соне».

Таким образом, заголовок сборника имеет несколько сопутствующих коннотационных оттенков, обладающих глубоким символи-

ческим подтекстом, настраивающих читателя на философское восприятие изображаемой художником реальности. Часто в рассказах Толстой смещены нравственные ориентиры и духовные ценности, также образована пропасть между высокими устремлениями человечества (мечтой) и возможностью их реализации (действительностью), как это мы видим в рассказах «Круг», «Река Оккервиль» или «Милая Шура».

Герои ранних рассказов Толстой – уходящая московская и петербургская интеллигенция – живут в удушающей мещанской среде, например, Наташа из «Вышел месяц из тумана», Симеонов из «Река Оккервиль». С виду они стремятся к внутренней гармонии, но на самом деле четко осознают конечность земного пути, роковую неизбежность круговорота бытия. Писательница затрагивает одну из вечных проблем, волнующих человечество: понимание предначертанности судьбы и собственного бессилия изменить что-либо. Сами герои (Симеонов «Река Оккервиль», Александра Эрнестовна «Милая Шура») ясно осознают это, но ничего не могут поделать, кроме как рефлексировать в условиях разрастающегося социального абсурда и психологической изоляции.

Сама реальность в изображении Т. Толстой неординарна: она наполнена бессмысленной суетой, бесконечными бытовыми проблемами, духовными и физическими страданиями. В этот коловорот человек попадает с минуты своего появления на свет. В рассказах писательницы, как точно подметили П. Вайль и А. Генис, время идет не вперед, а по кругу, образуя «замкнутую, кольцевую вселенную», «мир механического повторения» [1, с. 148].

Анализируя образ круга в произведениях Толстой, Т. П. Швец выявляет мотивную структуру рассказов «Охота на мамонта», «Факир», «Круг», «Спи спокойно, сынок», делая вывод, что круг приобретает у автора значение судьбы, которая довлеет над человеком. Действительно, в сюжетно-композиционной структуре произведений Толстой мотив круга важен, и реализуется он, как правило, в бесконечных попытках возвращения героя к точке отсчета. Круг у писательницы – это миф героя, его пространственно-время, предельно концентрированное, по словам писательницы, «как темный студень».

Восприятие времени у Толстой имеет основные характеристики мифологического хронотопа: оно скорее созерцательно и безразлично к дифференциации на прошлое-настоящее-будущее. Любое событие в рассказах автора живет одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Прошлое и будущее здесь может быть сконцентрировано в настоящем («Петерс»). Настоящее и будущее идентичны прошлому («На золотом крыльце сидели»).

Оперируя основными категориями постмодернизма, такими как символ, интерпретация, включение авторского голоса в текст или слияние его с голосами персонажей, М. Золотоносов, отмечая оригинальность литературной игры Толстой, утверждает, что суть ее в «необычайном сочетании безжалостности, пугающего всеведения о герое со злой наблюдательностью спокойно-ледяного психологизма» [3, с. 60]. Автор создает картины человеческого бытия, где персонажи приходят в итоге к осознанию пустоты, тщетности потраченных усилий и бессмысленности пройденного пути. Часто драма скрывается под маской благополучия, в самой сути социальности, в символах языка, культуры, в самой человеческой психике.

Очевидно, что для Т. Толстой, родившейся в Ленинграде, чрезвычайно важна антиномия «Петербург – Москва», существующая не только на художественном, но и на социально-психологическом, этнографическом и философском уровнях. К петербургским рассказам относятся «Река Оккервиль», «На золотом крыльце сидели», «Вышел месяц из тумана», «Соня», «Петерс», «Любишь – не любишь», «Свидание с птицей». Они о «детском» взгляде на мир, полный чудес, прекрасный и страшный, в котором всегда мечты расходятся с действительностью. Детство у Татьяны Толстой – это также духовная связь с природой, с Богом. В рассказе «На золотом крыльце сидели» описание чудесного сада, в котором царят гармония и блаженство, ассоциируется с ощущением детства, а страдания предстают как нечто чуждое, временное и противоестественное в виде порченных кошкой Мемекой воробьев. «Жизнь вечна. Умирают только птицы» [5, с. 32], – делает вывод девочка, от лица которой ведется рассказ. Но в «райском саду» наступила осень – она «вошла к дяде Паше и ударила его по лицу» [5, с. 40]. Девочка с удивлением обнаруживает, что все волшебные богатства в

доме дяди Паши превратились в «ветошь и рухлядь». Знание об «осени» и «зиме» жизни приносит в душу подросткового ребенка ужас смерти.

Рассказ «На золотом крыльце сидели» производит сильное впечатление своей безысходностью и горечью о потере «дрожащего живого огонечка» – детства. Жизнь человека предстает как нечто мимолетное, призрачное, которое уносится «сквозь снежную крупу в черную высь». И все же центральный символический образ в рассказе – это Часы из таинственной комнаты в доме дяди Паши. Над циферблатом часов в кукольной стеклянной комнатке за столом сидят Золотая Дама, кубком отстукивающая ход времени, и Золотой Кавалер. Заключенные в стеклянной комнатке хозяин и хозяйка времени, в отличие от живых хозяев дома, обретают бессмертие.

Тема детства продолжается и в рассказе «Вышел месяц из тумана», который объединяется с циклом детских рассказов еще и тем, что заглавие, как и в рассказе «На золотом крыльце сидели», представляет собой интертекст детской считалки. Скользящей тенью приходят к главной героине Наташе, одинокой учительке, грезы о том «рассыпавшемся мире, на зеленых лужайках которого они играли в счастливейшие игры...» [4, с. 128].

Чувство собственной неполноценности у Наташи происходит от неразрешимости противоречия между серым существованием в петербургской коммуналке и ее детскими волшебными воспоминаниями о прежней красивой жизни. Заканчивается рассказ сценой, когда героиня стоит возле окна и вслушивается, но «ничего не было слышно, кроме гула идущей жизни» [4, с. 142], чужой жизни.

К «петербургскому разделу» относятся также рассказ «Свидание с птицей», в котором опять-таки различается одна из главных тематических линий Толстой – столкновение детской мечты и реальности. Причем на всем протяжении повествования происходит причудливое слияние голоса автора и главного персонажа. Необыкновенное в этом рассказе – девушка с соседней дачи Тамила, которая знает «лекарство от всех зол и страданий». Она рассказывает Пете о разных чудесах, о птице Феникс, Сирий и Алконост, говорит, что видела гибель Атлантиды. Петя с его детским воображением

полностью погружен в мир фантазмагии, тем более, что Тамила дарит ему яйцо птицы Алконост, приносящее его владельцу тоску по несбыточному. Мальчику мерещится, что птица Сирий задушила бабушку. Он бежит к Тамиле за спасением, но вместо помощи мальчик получает первый урок правды о взрослом мире. Соприкосновение чистой души ребенка с цинизмом обременяет ее тягостным познанием. Детская душа созревает – ложь и правда так же связаны, как жизнь и смерть, день и ночь, начало и конец, и снова Толстая возвращает читателя к символике круга, бесконечного коловорота жизни.

Продолжает тему Петербурга рассказ «Река Оккервиль». Главный герой – немолодой холостяк Симеонов, по мнению А. Жолковского, «являет типовой образ “маленького человека” русской литературы, нарочито сшитого из пушкинского Евгения, которого река разлучает с Парашей; гоголевского Пискарева, фантазии которого разбиваются бордельной прозой жизни понравившейся ему красотики; и беспомощного мечтателя из „Белых ночей“ Достоевского» [2]. Симеонов напоминает Башмачкина из гоголевской «Шинели». После того, как юношеские мечты этого взрослого «ребенка» развеиваются в прах, он понимает, что прошлое ворошить нельзя. Это чревато потерей веры в юношеские идеалы.

Не случаен в рассказе образ реки – коварной стихии, временами выходящей из берегов, бушующей и затопляющей город. Река также является мифической границей между реальным и потусторонним миром. Она, с одной стороны, напоминает о человеческой слабости и бренности, а с другой стороны, символ величия Петербурга.

«Вечным ребенком», которому никогда не суждено стать взрослым, представляется Петерс из одноименного рассказа Толстой. Он также родился в городе на Неве. Брошенный родителями, он воспитывался бабушкой, которая подавляла его, и теперь у него ярко выраженные женские черты во внешнем облике, одежде и поведении. В рассказе сильны мотивы старения, умирания, разрушения. Жизнь Петерса скорее напоминает вялую игру в жизнь. И только в конце тягучей, тяжелой, густой, как тоска, жизни Петерс «просыпается». Пожилой и одинокий, проживший бессмысленную

жизнь, он осознает, что любая жизнь, даже чужая, прекрасна. В финале Петерс открывает окно и видит «новых детей». В рассказе показан весь круг человеческой жизни. Принципом цикличности и вечного поступательного движения Толстая демонстрирует новый виток жизни.

Таким образом, символика детства приобретает в петербургских рассказах Татьяны Толстой глубокий философско-поэтический смысл: это божий дар, утерянный человеком в результате своей слабости, лживости и безволия.

К «московским» рассказам в сборнике «На золотом крыльце сидели» относятся «Милая Шура», «Факир», «Охота на мамонта», «Спи спокойно, сынок», «Круг», «Огонь и пыль», «Лимпопо».

Рассказ «Милая Шура» построен на контрасте деталей, образов и сюжета. Главная героиня Александра Эрнестовна, «реальная, как мираж», сначала «залитая розовым мартовским светом», в конце рассказа уходит во тьму небытия, «растворяется в горячем полдне» [5, с. 54]. В рассказе с самого начала проводится черта между ранним утром, когда происходят события, и девяностолетним «закатным» возрастом главной героини. Глаза ее в молодости наполненные ярким синим светом, в старости «бесцветные».

С концептом «Свет» в рассказе связан целый семантический ряд: утро, улыбка, розы – контрастируют с черным одеянием и «мертвыми фруктами» на шляпе героини. Контрастен и сам облик Александры Эрнестовны – ее дряхлость в сочетании с фотографиями ее прекрасной юности. Героиня не смогла осуществить романтическую мечту своей жизни, так как меркантильность победила ее духовные светлые порывы.

Т. Толстая, изображая «маленького человека», обращается к таким философским проблемам бытия, как фатальность судьбы, драматизм жизни и смерти. В каждом рассказе описывается жизненный путь героя от рождения до кончины, его внутренняя борьба, проходящая через сознание и подсознание, его эволюция или деградация. Часто Толстая, демонстрируя неиссякаемую прелесть и ценность «ужасно глупой» жизни, использует иронический подтекст как форму авторской оценки. Но в позиции повествователя все же над

абсурдом мироздания преобладают понимание и вера в нетленные ценности: любовь и милосердие.

Читать рассказы Татьяны Толстой довольно сложно. Они выходят за рамки устоявшихся форм, порой начисто отрицая привычные причинно-следственные связи. Банальные картины мира как бы выворачиваются изнутри и встают перед читателями, показывая суетность представлений о мире, доказывая хрупкость попыток мыслить обычными стереотипами. Поэтому исследование произведений Толстой очень актуально именно сейчас, когда стремительно меняющийся мир заставляет нас учиться по-новому мыслить и чувствовать.

Список использованных источников

1. Вайль П. Городок в табакерке : проза Татьяны Толстой / П. Вайль, А. Генис // Звезда. 1990. № 8. С. 15–26
2. Жолковский А. К. В минус первом и в минус втором зеркале / А. К. Жолковский // Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев – ахматовиана и архетипы [Электронный ресурс]: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/siren.htm>
3. Золотоносов М. Мечты и фантомы / М. Золотоносов // Литературное обозрение. 1987. № 4. С. 58–61.
4. Толстая Т. Н. День: личное / Т. Н. Толстая. М. : Эксмо, 2003. 416 с.
5. Толстая Т. Н. Ночь: рассказы / Т. Н. Толстая. М. : Подкова, 2002. 352 с.

MYTHOPOETICS OF TATYANA TOLSTOY'S EARLY STORIES

Machavariani Nana Valerianovna,
*postgraduate student of the Pyatigorsk state University
(Pyatigorsk, Russia);
e-mail: nanamachav@yahoo.com*

Mythopoesis – one of the most developed areas of modern literary criticism. Since the mythological consciousness is deeply ingrained in human nature, it can be reproduced in different social and cultural contexts and historical eras, as evidenced by the work of T. Tolstoy, the prevailing characteristic of the author's poetics which can be considered mythologism. The author widely uses in his stories principles of spatial and temporal descriptions when modern time is presented with the position of the mythological consciousness, as well as mythological tricks, allusions to popular characters and images of folklore and classical literature.

Keywords: *realism, postmodernism, mythopoetics, the author's voice, picture of the world.*

References

1. Vayl, P., Genis, A. Gorodok v tabakerke: Proza T. Tolstoy // Zvezda. 1990. № 8.
2. Zholkovskiy A. K. V minus pervomi v minus vtorom zerkale. Tatyana Tolstaya, Viktor Erofeev – akhmatoviana i arkhetipy. Elektronnyy resurs: <http://www.bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/siren.htm>
3. Zolotonosov M. Mechtyfantomy // Literaturnoe obozrenie. 1987. № 4.
4. Tolstaya T. N. Den: lichnoe / T. N. Tolstaya. M.: Eksmo, 2003.
5. Tolstaya T. N. Noch: rasskazy / T. N. Tolstaya. M.: Podkova, 2002.